Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

Черно-белые рассказы Эллы Майар

11.09.2026.



© N. Sikorsky

«Photo Elysée представляет часть фотографий, сделанных Эллой Майяр во время ее путешествий по Азии в 1930-е годы», сообщается в распространенном пресс-релизе. Информация неполная. Элла Майар путешествовала и по европейской части СССР, включая Москву – об этом свидетельствуют снимки. Но не буду искать политическую подоплеку в этом, скажем так, упущении, особенно за несколько дней до голосования о швейцарском нейтралитете. Расскажу лучше о выставке.

Элла Майар никак не вписывается в рамки знаменитых «трех К» – дети, кухня, церковь (*Kinder, Küche, Kirche*), которыми в ее время во многом ограничивалась роль женщины, в том числе швейцарской. Она известна как путешественница, фотограф и писательница. Но важно помнить, что до всего этого, еще в раннем детстве, она

была страстной читательницей, проглатывавшей романы Джека Лондона, Джозефа Конрада, Германа Мелвилла, Роберта Луиса Стивенсона, а затем изучавшей географические карты «по следам» их героев. Именно в любви к чтению я чувствую общность с этой удивительной женщиной, родившейся в Швейцарии и обладавшей свободой передвижения, в отличие от меня, читавшей те же самые книги за железным занавесом. Но мечтать о путешествиях могла и я. Высказывание Эллы Майар «Теперь я точно знаю, зачем мы путешествуем: чтобы найти себя», встречающее посетителей выставки, я отношу и к чтению, ведь каждая книга – это путешествие в новый мир, который мы примеряем на себя, чтобы лучше понять собственный.


Элла Майар (1903-1997) © Keystone-ATS

Забавно, кстати, что многие «экзотические» места, привлекавшие Эллу Майар, находились по мою сторону занавеса, и через десятилетия после нее я тоже смогла посетить их, еще живя в СССР. А потом и другие. Практически все, за исключением Афганистана, куда сегодня, я думаю, не отправилась бы даже такая отчаянная авантюристка, как Элла Майар.

«На уровне головы был высеченный в скале круговой балкон, откуда можно было увидеть фрески, украшавшие потолок и стены. На них различались лошади, человеческие фигуры, солнце, луна, тиары и жемчуг. [...] Современная каменная подпорная арка укрепляла часть треснувшей скалы совсем рядом с Буддой, так часто повреждавшимся мусульманскими фанатиками», пишет она в «Жестоком пути». Увы, нет уже гигантских статуй Будды высотой 55 и 38 метров в Бамиане – их уничтожили талибы в марте 2001 года. Майар успела увидеть и сфотографировать их до того, как ЮНЕСКО успела взять памятники Бамианской долины под охрану: «Культурный ландшафт и археологические памятники долины Бамиан» были внесены в Список всемирного наследия и Список всемирного наследия, находящегося под угрозой, лишь в 2003 году, уже после уничтожения статуй. ЮНЕСКО опоздала: сегодня под ее охраной – две пустые ниши.


«Без названия», 1939. Бамиан, Королевство Афганистан. © Succession Ella Maillart et Photo Elysée, Lausanne.

Жизнь Эллы Майар представлена в первом зале выставки в виде прямой линии, над которой указаны события из ее личной жизни и швейцарские faits divers, а под ней – события, происходившие далеко от Женевы, где она родилась в 1903 году, и ставшие с тех пор историческими. Такая хронологическая презентация позволяет взглянуть прожитые ею 94 года с разных ракурсов, на каждом этапе словно перенастраивая объектив фотоаппарата – то дальше, то ближе. Возьмем, к примеру, период с 1914 по 1917 годы. Сверху он отмечен первыми опытами совсем юной Эллен Майар по управлению парусником – в женевском пригороде Кре-де-Жанто, в компании любимой подружки Эрмин де Соссюр по прозвищу «Крошка» («Miette»). А снизу – началом Первой мировой войны; кратковременным восстановлением имперского правления в Китае, а затем возвращению к республике; началом восстания басмачей в Средней Азии, сначала против царской, а затем против советской власти; революцией в России, приходом к власти Ленина и началом Гражданской войны. Почувствуйте, как говорится, разницу.

На фоне идущей Первой мировой войны Элла Майар создает в Женеве первый в Романдской Швейцарии женский клуб хоккея на траве, Champel Hockey Club; в год смерти Ленина, 1924-й, представляет Швейцарию в парусной регате на Олимпийских играх в Париже; в момент усиления в СССР власти Сталина, коллективизации и массового голода она отправляется в путешествие в Москву и на Кавказ. В 1939 году она совершает на машине путешествие из Женевы в Кабул с другой своей подругой, Аннмари Шварценбах, а годы Второй мировой войны проводит в Индии. Путешествия сопровождались сотнями фотографий, становились материалом для газетных публикаций и книг. «Среди советской молодежи» (Parmi la jeunesse russe) рассказывает о поездке в советскую Россию в 1930 году, «От небесных гор до красных песков» (Des Monts célestes aux sables rouges) передает впечатления от советского Туркестана в 1932-м, а «Жестокий путь» (La Voie cruelle) повествует, уже в литературно обработанной форме, о путешествии с Аннмари Шварценбах из Женевы в Афганистан.

Последняя книга вышла в 1952 году, после чего линия жизни Эллы Майар в представлении лозаннского музея прерывается на 36 лет: в 1988 году она передала Photo Elysée весь свой фотографический архив, а в 1997-м тихо скончалась в Шандолен (Chandolin), живописной деревушке в долине Аннивье (кантон Вале), расположенной на высоте около 2000 метров над уровнем моря.

Политическая карта 1939 г. © Photo Elysée, Lausanne. Photo © N. Sikorsky

Помянув почтительным вздохом эту удивительную женщину, посетитель переходит к следующему экспонату – самой, пожалуй, оригинальной карте СССР, которую мне доводилось видеть. Это не огромное красное пятно посередине традиционной карты мира, а лишь нижняя часть страны, без столицы и вообще без всей европейской части, а лишь с «киргизскими степями» и азиатскими республиками. Зато на этой оригинальной карте, отражающей маршруты путешествий Эллы Майар в 1930–1939 годах и геополитическую ситуацию в 1939 году, присутствуют Арабо-Саудовское королевство (Royaume arabo-saoudien), еще в 1932 году провозглашенное Королевством Саудовская Аравия, а также Аеглийская Восточная Африка, Англо-Египетский Судан, Бирма и Сиам, как раз 24 июня того года переименованный в Таиланд.

Можно понять, что привлекло Эллу Майар в тогдашнюю Россию – новизна и загадочность, недаром она сравнивает ее с лабораторией, когда пишет в «Среди советской молодежи»: «В Москве я пообещала себе ничего не писать о современной России: я тонула в слишком разрозненных впечатлениях, по правде говоря, терялась в ином мире, который меня завораживал. […] В этой стране, этой новой лаборатории экспериментов, ничто не окончательно, все меняется. То, что верно в одном месяце, уже может оказаться неверным в следующем». Вывод насчет волатильности ситуации сделан верный. И хорошо, согласитесь, иметь возможность заглянуть в «лабораторию», посмотреть, как и что, пощелкать фотоаппаратом и… отправиться дальше. Сколько других таких же любопытных иностранцев посетили страну, где я родилась, в поисках новых впечатлений и сильных эмоций. И их поток не иссякает.

«Поезд на Магнитогорск», 1932. Урал, Туркестан, СССР. © Succession Ella Maillart et Photo Elysée, Lausanne.

В Москве Элла Майар встретилась, в частности, со знаменитыми кинорежиссерами Дзигой Вертовым и Всеволодом Пудовкиным. Именно фильм Пудовкина «Потомок Чингис-Хана» и эмоциональные рассказы о Кавказе писателя Сергея Третьякова – одного из первых переводчиков Бертольта Брехта на русский язык, расстрелянного в 1937 году и реабилитированного в 1956-м, – во многом определили маршруты ее следующих поездок.

Фотографии Эллы Майар великолепны. И дело не столько в их техническом качестве, сколько в подмеченных ею деталях. Если отправитесь на выставку, я искренне советую осматривать ее не торопясь, с чувством, с толком, с расстановкой, ведь сделанные почти век назад снимки позволяют сравнить ту эпоху с нынешней и прийти к удивительному выводу: что-то, конечно, изменилось радикально, а что-то совсем нет.


«Моя улица — Остоженка», 1930. Москва, РСФСР, СССР. © Succession Ella Maillart et Photo Elysée, Lausanne.

Вот смотрю я на серию фотографий Москвы, сделанных буквально накануне исчезновения значительной части старого московского пейзажа. Конечно, сильно изменилась Остоженка, сегодня одна из самых дорогих улиц города и символ столичной роскоши. Вероятно, в 1930-м Элла Майар жила именно на ней – в подписи к фотографии указано «Моя улица» – и наблюдала разбитую мостовую с вечными лужами, повозки с лошадьми, чистильщика обуви, магазин кооперации… А видите вдали справа купол с крестом? Я гадала, что это за церковь, и пришла к выводу: вероятнее всего, это церковь Воскресения Словущего на Остоженке. Она стояла на Остоженке, у выхода 1-го Зачатьевского переулка, примерно на месте нынешнего владения № 15. Ее закрыли в конце 1920-х, но окончательно разобрали только к началу 1935 года.


«Список ». Список жильцов дома № 5 на улице Чертольском, в котором находится одиннадцать квартир. 1930, Москва, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, СССР». © Succession Ella Maillart et Photo Elysée, Lausanne.

Надолго задержалась я перед фотографией с такой подписью: «Spissok. Liste des habitants, maison N° 5 de la rue Tchertolskom dans laquelle il y a onze appartements, 1930, Moscou, République socialiste fédérative soviétique de Russie, URSS». («Список. Список жильцов дома № 5 на улице Чертольском**,** в котором находится одиннадцать квартир. 1930, Москва, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, СССР».) Именно так, с русским словом «Список», написанным латиницей. Улица указана не совсем верно: почти наверняка речь идет о Чертольском переулке, до сих пор сохранившем название, полученное в 1922 году. Сохранился и адрес – Чертольский переулок, дом № 5. Но сколько из жильцов этих одиннадцати квартир, список которых виден на снимке, пережили 1930-е годы?


«Украинский точильщик», 1930. Москва, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика, СССР.© Succession Ella Maillart et Photo Elysée, Lausanne

Любопытно, откуда Элла Майар узнала, что точильщик в кепке с передвижным точильным станком за спиной – украинец. Неужели задала вопрос?

А что касается женщин, то, если не обращать внимания на одежду, многие из них и сегодня стоят в очередях, ждут на остановках автобусов, роются в моторах автомобилей, а многие вынуждены брать на себя самые тяжелые работы – например, в канализации.


«Работы по прокладке канализации», 1930. Москва, РСФСР, СССР. © Succession Ella Maillart et Photo Elysée, Lausanne.

Правда, тяжелый физический труд в сегодняшней Москве нередко выполняют приезжие, в том числе из тех самых бывших азиатских республик, где тоже побывала Элла Майар.

В 1932 году она смогла сделать несколько редких фотографий судебного процесса над басмачами в Самарканде – на подписях басмачи указаны как «повстанцы-националисты». Обратите внимание на бюст Ленина справа. Небольшое пояснение для тех, кто не слишком хорошо помнит школьные уроки истории. Басмачами советская власть называла участников вооруженного сопротивления в Средней Азии, причем единого движения с общим руководством и идеологией они не составляли: среди них были и противники советизации, и сторонники национальной независимости, и религиозные силы, и просто местные вооруженные отряды. Само слово «басмач», происходящее от тюркского глагола со значением «нападать, совершать набег», в советской историографии прочно приобрело значение «бандит». Однако в августе 2021 года Верховный суд Узбекистана реабилитировал 115 репрессированных в 1920–1930-е годы участников антисоветского сопротивления, а в мае 2026 года еще 161 человека. Так что волатильной в той «лаборатории», о которой писала Майар, оказалась не только современность, но и история: через девяносто лет «басмачи» превратились из осужденных советской властью «бандитов» в официально реабилитированных борцов за национальную независимость.


«Ленин на столе судей на процессе над басмачами [повстанцами-националистами]», 1932. Самарканд, Узбекская ССР, СССР.

Запечатлела она для истории и казахов, оказавшихся в 1932 году на узбекской станции Чарджуй на фоне массового бегства населения из охваченного голодом Казахстана в Узбекистан и начавшегося принудительного возвращения беженцев. В своей подписи Майар называет их «депортированными», что не совсем точно.

Мы с детьми побывали в Узбекистане и в Киргизии, и они часто вспоминают и вкуснейший плов, и чайхоны, и красочные рынки, и соколиную охоту, и пасущихся барашков, которым, как шутили дети, предстояло превратиться в «шашлык». Все это мало изменилось со времен Эллы Майар, разве что отреставрированные медресе выглядят сегодня куда наряднее.


«Бывший ханский дворец превращен в “Педагогический техникум” (виден латинизированный алфавит, который в 1942 году был заменен кириллицей)», 1932. Хива, Узбекская ССР, СССР. © Succession Ella Maillart et Photo Elysée, Lausanne.

Но обратите внимание на фотографию «Кара-киргиз в китайских очках» 1932 года. Такого всадника с соколом на локте в Киргизии можно встретить и сегодня. А почему очки китайские? Я покопалась, и обнаружилась замечательная деталь. В Центральной Азии того времени действительно были распространены большие очки китайского производства, причем, похоже, они могли служить не только средством коррекции зрения, но и признаком статуса. Об этом пишет сама Майар в книге «От небесных гор до красных песков». Описывая базар в Караколе, она замечает знатного киргиза «с огромными желтыми китайскими очками на носу», покупающего кинжал. Так что китайская продукция уже тогда пересекала границы и добиралась до самых удаленных районов Центральной Азии – глобализация началась не вчера.

«Кара-киргиз в китайских очках», 1932. Киргизская АССР, СССР. © Succession Ella Maillart et Photo Elysée, Lausanne.

Выставка в Лозанне продлится до 1 ноября 2026 года. Надеюсь, вы успеете на ней побывать.

Элла Майар
музеи Лозанны
музеи Швейцарии
Элла Майар выставка
исторические фотографии

Source URL: *https://rusaccent.ch/blogpost/ella-mayar-fotografii*